

ЗАПЕЧАТАННЫЙ ПАКЕТ, содержащий следующие страницы, был найден в письменном столе барона Фридриха Михаэля фон Р... после того, как он пал в битве при Раваруске осенью 1914 года, сражаясь с драгунским полком в звании лейтенанта австрийского резерва. Его семья, предположив по названию и беглому взгляду на содержание, что это всего лишь литературное произведение их родственника, дала мне его оценить и доверила мне его публикацию. Сам я ни в коем случае не считаю эти статьи вымыслом; вместо этого я считаю, что они являются записью собственного опыта покойного, достоверной во всех деталях, и поэтому я публикую его психологическое самораскрытие без каких-либо изменений или дополнений, скрывая только его фамилию.

Этим утром мне внезапно пришла в голову мысль написать, для моей собственной пользы, отчет о моих переживаниях в ту фантастическую ночь, чтобы рассмотреть весь инцидент в его естественном порядке возникновения. И с тех пор, как я принял это внезапное решение, я испытываю необъяснимое желание описать свое приключение словами, хотя я сомневаюсь, что смогу адекватно описать его странную природу. У меня нет ни следа того, что люди называют художественным талантом, ни какого-либо литературного опыта, и, кроме нескольких довольно беззаботных заметок для "Терезиана", я никогда не пытался ничего написать. Я даже не знаю, например, существует ли какая-то специальная техника, которой нужно научиться, чтобы упорядочить последовательность внешних событий и их одновременное внутреннее отражение, и я задаюсь вопросом, способен ли я всегда находить правильное слово для определенного значения и правильное значение для определенного слова, чтобы достичь равновесия, которое я всегда подсознательно чувствовал, читая работу каждого настоящего рассказчика. Но я пишу эти строки исключительно для собственного удовлетворения, и они, конечно, не предназначены для того, чтобы сделать что-то, что я с трудом могу объяснить даже самому себе, понятным для других. Это всего лишь попытка противостоять инциденту, который постоянно занимает мой разум, удерживая его в состоянии болезненно активного брожения, и, наконец, подвести под ним черту: изложить все это, поместить передо мной и осветить со всех сторон.

Я не рассказал никому из своих друзей об этом инциденте, сначала потому, что чувствовал, что не смогу заставить их понять его существенные аспекты, а затем из-за определенного чувства стыда за то, что был так потрясен и взволнован тем, что произошло совершенно случайно. Ибо все это на самом деле всего лишь небольшой эпизод. Но даже сейчас, когда я пишу это, я начинаю понимать, как трудно любителю выбирать слова правильного значения, когда он пишет, и какую двусмысленность, какие возможности непонимания могут быть связаны с самыми простыми терминами. Ибо если я описываю этот эпизод как незначительный, то, конечно, я имею в виду его только как относительно незначительный по сравнению с теми могучими драматическими событиями, которые сметают вместе с ними целые нации и человеческие судьбы, и опять же я имею в виду его как незначительный по времени, поскольку вся последовательность событий заняла не более шести часов. Однако для меня этот опыт — который в общем смысле был незначительным, незначительным, неважным — значил так необычайно много, что даже сегодня, спустя четыре месяца после той фантастической ночи, я все еще сгораю от воспоминаний о нем и должен приложить все свои интеллектуальные силы, чтобы сохранить его при себе. Ежедневно, ежечасно я снова перебираю все детали, потому что в каком-то смысле это стало стержнем, на котором вращается все мое существование; все, что я делаю и говорю, бессознательно определяется этим, мои мысли заняты исключительно тем, чтобы снова и снова повторять его внезапное вторжение в мою жизнь и тем самым подтверждать, что это действительно произошло со мной. И теперь я вдруг тоже знаю то, о чем я, конечно, еще не догадывался десять минут назад, когда брал в руки перо: что я записываю свой опыт только для того, чтобы надежно и, так сказать, объективно зафиксировать его перед собой, чтобы снова насладиться им в своих эмоциях и в то же время понять его

интеллектуально. Это было совершенно неправильно, совершенно неверно, когда я только что сказал, что хочу подвести черту под этим, записав это; напротив, я хочу сделать то, что я пережил слишком быстро, еще более живым, чтобы оно было теплым и дышало рядом со мной, чтобы я мог прижимать его к себе снова и снова. О, я не боюсь забыть ни секунды того знойного дня, той фантастической ночи, Мне не нужны никакие ориентиры или вехи, чтобы помочь мне шаг за шагом проследить в памяти путь, который я прошел в те часы: как лунатик, я снова попадаю под его чары в любое время, в середине дня или в середине ночи, видя каждую деталь с той ясностью видения, которую знает только сердце, а не слабая память. Я мог бы нарисовать контуры каждого листа в этом зеленом весеннем пейзаже на этой бумаге, даже сейчас, осенью, я чувствую мягкий воздух, мягкие и насыщенные пылью ароматы цветущего каштана. Поэтому, если я собираюсь снова описать эти часы, это делается не из страха забыть их, а из радости снова оживить их. И если я сейчас опишу изменения, произошедшие той ночью, все в точности так, как они произошли, то я должен контролировать себя ради упорядоченного отчета, потому что всякий раз, когда я начинаю думать о деталях моего опыта, экстаз поднимается из моих эмоций, меня охватывает своего рода опьянение, и я должен сдерживать образы памяти, чтобы они не налетали друг на друга в диком беспорядке, красочные и бешеные. Со страстным пылом я все еще переживаю то, что пережил в тот день, 7 июня 1913 года, когда в полдень взял такси ...

<http://tl.rulate.ru/book/65178/1714965>